

# Не последние...

«Последние» в Театре-студии Олега Табакова. «Варвары» в Театре им. Вахтангова. «Трагикомические сцены из дачной жизни» в Театре им. К. Станиславского. Вот-вот к этим названиям добавятся «Враги» в «Содружестве актеров Таганки».

Мой коллега-американец, живущий уже несколько лет в Москве и влюбленный в русский театр, сказал с досадой: «Это ужасно, что все снова обращаются к Горькому. Это значит, что ваш театр все еще не переболел...» Спорить не стоило; мы с ним принадлежим примерно к одному поколению, значит, и учили нас примерно одинаково — не столь важно, что в разных полушариях. Для него Горький был и остался провозвестником революции; идеологии, слегка приукрашенной слабой литературной обработкой; демонстрацией, чуть замаскированной под спектакль. Нас учили тому же самому — но со знаком «плюс»: недостатки, убожества, «по-американски», — обращались достоинствами, завоеваниями в «советском» смысле.

Истина находится где-то посередине. В этом сегодня ощущается и особая горечь, и особая радость.

Та горечь и та радость, с которыми мы все отправляемся на премьеры московских театров, внезапно осознавших, что без драматургии Горького сегодня вряд ли обойтись. То есть, обойтись-то, разумеется, можно, как мы научились обходиться без многого, но что-то неувидимое уходит с подмостков. Что-то плюс к тому, безвозвратно ушедшему...

Названия не дублируются; потому, наверное, что за прошедшие лет десять мы уже успели ощутить себя по-своему и варварами, и дачниками, и врагами, и даже — детьми солнца. Но, пожалуй, главный урок, извлеченный из свежего прочтения Горького, сказался в

том, что на собственном опыте мы смогли убедиться: да, мы и такие, и другие, и третьи. Вот только не последние, потому что за нами — если не легион, то все же ряды и ряды.

В недавнем телевизионном интервью одного из молодых режиссеров, работающих в Санкт-Петербурге, я услышала любопытную мысль: важно не то, как мы смотрим сегодня на классику, важно, как смотрит на нас она. И хотя речь шла совсем не о Горьком, в этих словах, мне кажется, есть ключ сегодняшнего возвращения театра именно к нему.

Период оголтелого отрицания, видимо, уже многими и во многом пройден. Наступило время трезвого (хотя бы относительно) взгляда на ценности мнимые и истинные. И под пристальным вниманием режиссеров выяснилось вдруг, что отнюдь не все мнимо и ложно в драматургии буревестника революции: он умел разглядеть в хаосе, в смятении доставшейся на его долю жизни нечто очень важное, нечто повторяемое. И повторяемое на самых различных витках человеческого существования.

В «Трагикомических сценах из дачной жизни» (режиссер Виталий Ланской) Рюмин (В. Рудниченко) говорит: «Растет человек, и растет мысль его!.. Она поднимается спиралью, но она поднимается все выше». В «Варварах» (режиссер Аркадий Кац, сценограф Татьяна Швец) во всю высоту сцены перед нами предстает некая спираль; увешанная ветками с рябиновыми гроздьями, с полусохшими белыми цветами, просто голыми черными ветками, она возникает из ничего и обрывается ничем. Написанная два года спустя после «Дачников», в 1906 году, пьеса «Варвары», по мысли режиссера, эту идею персонажа, маленького и

ничего, словно укрупняет, доводя до логического абсурда: отдаленно взятый, вырванный причудливым вкусом и прихотью из определенного контекста, фрагмент спирали становится едва ли не главным героем сценического повествования Аркадия Каца.

Вообще, метафора спирали, наверное, как нельзя лучше соответствует нынешнему восприятию «обновленного» Горького. Не желая умалять заслуг режиссеров, скажу, что общее ощущение возникает такое, что главным постановщиком горьковской драматургии сегодня становится время: именно оно с предельной точностью обнажает не наш взгляд на события и характеры начала века, а взгляд на нас — отсюда.

Классика смотрит на нас — изумляясь, ужасаясь, пытаясь поставить каждого перед необходимостью повторения уроков; нерасслышанных, перечеркнутых, заклеянных, увешанных ярлычками. В состоянии ли мы, заполняющие зрительные залы, выдержать этот взгляд трезво, искренне? Вот в чем, наверное, вопрос...

Если же говорить конкретно о спектаклях, наиболее интересным из трех названных представляются мне «Последние» в постановке Адольфа Шапира. Жесткий режиссерский почерк особенно рельефен при некоторой расплывчатости исполнителей, как будто не до конца осознавших, что крушение одних нравственных ориентиров непременно и жестоко диктует воцарение новых, которые (и это, быть может, один из самых трагичных моментов) столь же непременно и жестоко приживутся в душах людей, пытающихся сейчас, сегодня противостоять им. Эту мысль режиссера, отчетливо заявившего, что «трагический

балаган» не вчера начался и не завтра завершится, со всей силой и выразительностью несут Софья (Ольга Яковлева), Любовь (Марина Зудина), Александр (Андрей Смоляков). И — сценография Марта Китаева, в которой проступает сдвинутый с привычных точек мир, страшный и нелепый, с пустыми рамами от каких-то портретов, с захлапленными ненужной памятью углами, с рюмками, в которых лекарство смешивают так, словно готовятся поднести больному яд...

В двух других спектаклях все происходит спокойнее, слаженнее — в «Варварах» и «Трагических сценах...» режиссерская мысль почти растворяется в тех коррективах, что внесло в наше восприятие драматургии Горького время. Потому, наверное, «Дачники» звучали как-то очень по-чеховски, оттененные мягким исполнительским мастерством В. Аниско (Басов), С. Земцова (Влас), Л. Сатановского (Двоеотчие), М. Янушкевича (Дулаков). А в «Варварах» наиболее сильными и живыми характерами оказались Цыганов, Татьяна Николаевна и Надежда Монахова, сыгранные Михаилом Ульяновым, Райной Праудиной и Марией Ароновой так, что дух захватывает от причастности к их судьбам. Живым человеческим судьбам.

В одном из недавних интервью Адольф Шапиро сказал, что наше искусство рождается от боли и неразберихи. Прочитав «Несвоевременные мысли» и сняв, по крайней мере, один из глянцевых слоев с залакированной фигуры Горького, мы, наверное, подошли сегодня вплотную к ощущению, что его драматургия родилась от боли и неразберихи времени, а не только от романтического желания приблизить светлое будущее. Проблематично светлоско, как понимал это позже и сам писатель...

И вот мы снова, спустя несколько лет, оказываемся с глазу на глаз с дачниками, варварами, последними. Мы — совсем другие. Они... Они те же, но только смотрят отсюда, со сценических подмостков, на новых людей. Впрочем, новых ли?..